

CORNELIA FUNKE

Die Farbe
der Rache

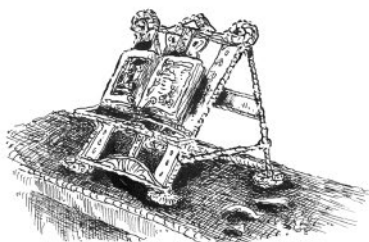

Mit Illustrationen der Autorin

КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

Цвет мести

Роман-фэнтези

Перевод с немецкого
Татьяны Набатниковой

Рисунки автора

Москва
«Махаон»

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84(4 Гем)
Ф94

CORNELIA FUNKE
DIE FARBE DER RACHE

Функе К.

Ф94 Цвет мести : роман-фэнтези / Корнелия Функе ; пер. с нем. Т. Набатниковой ; рис. автора. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2024. – 352 с. : ил.

ISBN 978-5-389-24675-1

«Цвет мести» – финальная из четырех книг серии «Чернильный мир».

Культовая история для подростков. Мировой бестселлер с уникальной атмосферой и неповторимой магией.

Долгожданное возвращение в Чернильный мир!

Старый враг, новый друг и одна история мести, которая холодит кровь...

Несколько лет мира и покоя куплены за высокую плату. Жители Омбры оплакивают павших героев прошедшей войны и залечивают раны, позволяя жизни идти своим чередом. Злодей, изгнанник, отвергнутый обоими мирами, затаился на севере и набирается сил, чтобы свершить свою месть. Никто не скроется, никто не спасется. Похоже, в этот раз зло одержит победу... Или в слабом луче надежды миру явится новый герой?..

Корнелия Функе – самая известная и титулованная немецкая писательница по версии журнала Time. Ее книги изданы тиражом свыше 20 миллионов экземпляров и переведены более чем на 50 языков! Экранизация истории о Чернильном мире покорила зрителей всех возрастов.

УДК 821.112.2-312.9-93
ББК 84(4 Гем)

© Cornelia Funke 2023
Die Farbe Der Rache © Cecilie Dressler Verlag,
Humburg, Germany 2024
© Cornelia Funke, Illustrations, 2024
© Набатникова Т. А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке. Оформление
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Machaon®

ISBN 978-5-389-24675-1

Бену, который объяснил мне,
что лишь искусство было всегда.
И Анне, которая помогла мне
рассказать эту историю правильно.

Сжатое описание событий, предшествовавших этой книге, ты найдешь в конце. Но внимание! – это описание принадлежит перу Орфея, и наслаждаться им следует осторожно.

Тени огня

*Кто хочет, пусть будет счастлив,
ведь мы не знаем, что нас завтра ждет.*

Лоренцо Медичи

Черным был мир. В Омбре царила ночь. Лишь стены замка светились красным, как будто сквозь них все еще проникали лучи заходящего солнца. Между зубцами на крепостной стене среди солдат из плоти и крови стояли стражники из огня. Так же и внизу – под аркой ворот и во дворе, где толпились живые, – двигались сотканые из пламени силуэты женщин, мужчин и детей. Вот уже больше пяти лет в Омбре царил мир. Но в эту прохладную сентябрьскую ночь город вспоминал тех, кто погиб за этот мир. Как и в предыдущие годы, тон задавал мужчина, жонглирующий огнем.

Огненный Танцор. Сажерук слышал, как толпа с благодарностью повторяла имя, которое сама же ему дала. Пламя не только ежегодно воскрешало память о мертвых Омбры. Ночами огонь освещал переулки, согревал горожан зимой, давал им утешение и радость, когда играл в руках Сажерука. Своему владельцу огонь служил способом выразить благодарность за все то счастье, что этот город даровал ему за последние годы.

Княгиня, хранившая мир в Омбре, стояла на балконе, с которого обыкновенно возвещала своим подданным вести: как хорошие, так и дурные.

Виоланту уже не называли Уродиной, ее новым прозвищем стало Храбрая, временами даже Добрая. Обычно Виоланта одевалась в черное, но в эту ночь платье на ней было белым – в Омбре это был цвет траура.

Рядом с ней неизменно стояла дочь Сажерука. Брианна все больше походила на свою мать – Роксану, хотя и унаследовала рыжие волосы Сажерука. Когда Роксана выступила из толпы, чтобы склонить голову перед Виолантой, Брианна улыбнулась, глядя на мать.

Длинные волосы Роксаны поседели, и она собирала их теперь в высокую прическу. Сажерук считал, что годы только прибавили Роксане красоты. Стоило ей запеть, как кругом воцарялась тишина. Точно так же как и много лет назад, когда Сажерук впервые услышал ее голос: в другой крепости, перед князьями и богатыми торговцами, которых пение Роксаны заставило позабыть все на свете.

Огонь обрисовал на стене тень Роксаны, когда она запела о тех, кого Омбра потеряла. Ее голос наполнял двор тоской по ним, воспоминаниями об их смехе и плаче и возвращал им, как и огонь Сажерука, жизнь на одну эту ночь.

Потерянные, но не забытые...

Сажерук обвел глазами толпу.

Множество лиц. Множество историй.

Не все были связаны с собственной историей Сажерука, но некоторые оказались навсегда вплетены в орнамент его жизни. Там стоял Фенолио, писатель, слова которого принесли ему столько несчастья. На плече Фенолио сидел стеклянный человечек, а на руках мужчина держал Данте, маленького сына Резы и Мортимера. Мальчику

было столько же лет, сколько миру в Омбре. Реза улыбнулась Сажеруку, заметив его взгляд. Их объединяли воспоминания – еще более темные, чем небо этой ночью. Историям Резы и Сажерука довелось часто пересекаться как в этом, так и в другом мире. И пусть Мортимер снова стал переплетчиком, никто не забыл песни о временах, когда он носил маску *Перепела* и был готов обменять собственную свободу на жизнь детей Омбры.

Мортимер посмотрел на Сажерука, словно услышав его мысли. *Волшебный Язык*. В голосе Мортимера был заключен иной вид могущества, нежели в голосе Роксаны, но он давно от него отказался – и хорошо. О том, что Мортимер, как и Фенолио, происходил из другого мира, в Омбре, разумеется, никто не знал.

Нет. Обо всем этом Сажерук сегодняшней ночью вспоминать не хотел: о годах в «не том» мире, о гложущей тоске... *Ты здесь, Сажерук*, напомнил он себе, а взгляд его снова скользнул от Роксаны к Брианне. *Ты вновь обрел то, по чему тосковал. Твоя жена, твоя дочь и мир, который ты любишь*. Откуда же тогда эта тревога, которая не давала ему покоя в юности? «Ты что, опять хочешь сбежать?» – только вчера спросила его Роксана полушутя. *Пой, Роксана, пой!* – думал Сажерук. – *Продолжай воспевать беспокойство в моем глупом сердце*.

Ее пение наполняло ночное пространство крепости той болью, которую приносит потеря любви, даже если и знал, что она сто́ит боли. В том, что это правда, не сомневался никто – и особенно дочь Мортимера Мегги. Из девочки, которая когда-то смотрела на Сажерука с такой враждебностью, она превратилась в молодую женщину,

которая успела полюбить сама. Юный Дориа, юноша, сумевший на самодельных крыльях слететь с городской стены, стоял рядом с ней. Мегги нежно поцеловала его, когда голос Роксаны смолк, а огненные образы Сажерука рассыпались в искристую пыль, которую ветер унес высоко в темное небо.

– Голос Роксаны становится все лучше год от года, но и твой огонь тоже был неплох, – чья-то теплая рука легла на плечо Сажерука.

Он обернулся, узнав человека в синем плаще. Цвет его был так глубок, что напомнил Сажеруку воды в озере или темное летнее небо. Ниям, по прозвищу Черный Принц, всегда любил синее. Синий и золотой были его цветами задолго до того, как он получил свое прозвище.

Виоланта в последний раз помахала толпе перед тем, как скрыться в своих покоях, и двор крепости начал пустеть. Без огней эта ночь была холодной.

– А где твоя куница? Уж не наскучила ли Гвину оседлая жизнь? – Черный Принц понимающе ему улыбнулся. Как старый друг, Ниям знал, что куница была воплощением непоседливости Сажерука. Самому Черному Прицу последние годы принесли мало покоя: то и дело появлялись жестокие правители. Если Нияму и перепадало несколько спокойных дней в лагере комедиантов, тут же появлялась делегация отчаявшихся крестьян, просивших его о помощи.

– Вон, смотри! Ты что, ослеп? Вон там, у ворот! – пронзительный голос стеклянного человека на плече Фенолио прорезал ночь. Розенкварц уже многие годы затачивал перья для Чернильного Шелкопряда. Он чуть не упал с плеча Фено-

лио, взволнованно указывая красноватым пальцем на толпу людей, что расходились по домам, минуя дворцовую стражу.

– Глупости! – одернул его Фенолио. – Это был какой-то другой стеклянный человечек, уймись уже. Привычка волноваться из-за любого пустяка закончится тем, что ты однажды лопнешь!

– Пустяк? – проверещал тоненьким голоском Розенкварц. – Сланец – негодяй! И разве ты забыл, кому он служил? Орфею!

Сажеруку почудилось, что от одного только упоминания этого имени у него заledenело сердце.

Орфей.

Нет. Он или мертв, или далеко, далеко отсюда.

– Прекрати! – раздраженно воскликнул Фенолио. – Допустим, ты увидел Сланца. Но разве Орфей был при нем? Нет. Ну вот!

– И что? – занял Розенкварц. – Это ничего не доказывает. Тот тип, на плече которого он сидел, тоже не походил на человека, которому можно доверять!

– Я сказал, уймись! – снова прикрикнул Фенолио. – Мне холодно, а Минерва уже наверняка разогрела вкусный суп, который сварила сегодня утром.

И он смешался с толпой, которая теснилась в воротах крепости. А Сажерук стоял и озирался, высматривая в потоке людей того, на чьем плече сидел стеклянный человечек с серыми конечностями. Как сильно и болезненно забилося его сердце! От одного упоминания имени старого врага в нем проснулись почти позабытые страхи.

Орфей.

Что, если Розенкварц прав? Что, если не только стеклянный человечек Орфея, но и сам Орфей

пожаловал в Омбру? Неужто он притаился в какой-нибудь каморке и уже пишет слова, которые снова лишат Сажерука всего того, что составляет его счастье?

– Что? – Ниям обнял его за плечи. – Не смотри так тревожно! Даже если то был стеклянный человечек Орфея, Розенкварц сам сказал, что видел его на плече у какого-то незнакомца. Выходит, он сменил господина! Ты что, всерьез думаешь, что, будь Орфей жив, до нас за все эти годы не дошло бы о нем слухов?

Прзвучало это довольно беззаботно.

Но воспоминания Сажерука уже ожили, хотел он того или нет. Лицо, покрасневшее от гнева, как у обиженного юнца, бледно-голубые глаза за круглыми стеклами запотевших очков. И потом голос, такой полнозвучный и красивый, что вернул его из призрачного мира в этот. *Ты встал на сторону переплетчика, Огненный Танцор. Это было жестоко, весьма жестоко.*

Стражники Виоланты заперли за горожанами ворота крепости на ночь, и люди, которые приходили сюда почтить мертвых, разошлись по переулкам города. Унес ли один из них на своем плече стеклянного человечка, который мог бы дать Сажеруку ответ, жив ли еще его господин?

Иди, Сажерук. Поищи его!

Роксана примкнула к другим музыкантам. Они хотели встретиться чуть позже в лагере у реки. Но у Сажерука в голове так и звучал тот бархатный голос, который он впервые услышал в другом мире: *Моя черная собака охраняет твою дочь, Огненный Танцор. Но я приказал ей до поры до времени не наедаться ее сладким мясом и ее душой. Ужас прошлого был гораздо*

сильнее огненных теней, которые он укрощал сегодня ночью.

– Нардо! Ты идешь? – Ниям вопросительно оглянулся на него. То, что их имена начинались на одну букву, они оба в юности воспринимали как доказательство того, что их дружба predetermined самой судьбой. Почему он так никогда и не сказал Нияму и Роксане правду? Про книгу и про другие миры, про все те потерянные годы и человека, голос которого вернул его назад? Неужто жизнь еще не доказала Сажеруку, что тайны делают человека одиноким?

Ты не понимаешь! – так и хотелось ему крикнуть Нияму. – *Есть одна книга, в которой рассказывается про нас. Только потому Орфей и явился в этот мир.*

Но Сажерук промолчал, как привык делать с момента своего возвращения. Стеклоанный человек, должно быть, обознался. Орфей мертв. Или вернулся в свой мир, в котором Огненный Танцор и Черный Принц были всего лишь персонажами придуманных историй.

Другие слова

*Жизнь такова, что невольно
мечтаешь о мести.*

Поль Гоген

Дождь! Дождь каждый день. И холод! Орфей подбросил еще одно полено в продуваемый ветром камин, который был не в силах обогреть и половину его уютной каморки. Да, сентябрь едва-едва подошел к концу, но вот уже несколько недель стояли холода!

Грюнико... Когда Орфей, полузамерзший, пошатываясь, прошел через городские ворота, это название показалось ему многообещающим. Двери, обитые серебром, хорошо заполненные лавки, меховые воротники на накидках состоятельных граждан... Все это предвещало благополучие и бесконечные возможности. Иллюзия. Город платил налоги герцогу, нога которого никогда не ступала на его территорию, а княжеские семьи и богатые торговцы, влиявшие на настроенные горожан, были скупы и узколобы. Слова Орфея казались им слишком цветистыми, а голос слишком бархатным. Никто не желал оценить его талант по достоинству. Пять безутешных лет он провел за преподаванием простейших основ искусства письма бездарным отпрыскам городской элиты. Жемчуг перед свиньями, изо дня в день... И ради этого он сменил мир? Отказался

от технологического прогресса с отоплением, которое можно включать одним поворотом ручки? *Праздный вопрос, Орфей, дверь-то уже заперта!* Он не мог сосчитать, сколько попыток вырваться предпринял, но его язык точно так же предал его, как весь этот проклятый мир. А тут еще стеклянный человечек рапортует о блеске и благосостоянии Омбры!

Сланец ненавидел путешествия. Стоило ему начать описывать все жертвы, на которые приходится идти, чтобы держать господина в курсе дел его врагов, как Сланца было не остановить. Орфей, в свою очередь, ненавидел новости, которые узнавал благодаря путешествиям стеклянного человечка. Но не посылать Сланца на места своих былых побед было выше его сил. Всякий раз, когда стеклянный человечек докладывал своему господину, как прекрасно идут дела у его врагов, тот задавался тягостным вопросом: *А как бы протекала твоя жизнь, Орфей, если бы твоя мать не сняла с полки захудалой библиотеки книгу Фенолио, в которую она так любила сбегать от приступов ярости твоего отца?* Да, как? Он никогда бы не услышал про Сажерука и никогда бы не пришел к безумной мысли последовать за ним в этот мир. Да, здесь он очутился только из-за Огненного Танцора, и как этот чумазый дурень отблагодарил его? Завел общее дело с переплетчиком и переметнулся на сторону врага.

Прекрати, Орфей!

Между тем стеклянного человечка приходилось отсылать с провожатым, потому что у Сланца из-за его смешных размеров на путешествие

в одиночку ушли бы месяцы. Бальдассар Ринальди, так называл себя этот трубадур. Орфей с детства ненавидел любую музыку, но от песен Ринальди его уши болели сильнее, чем от всего, ранее им слышанного. Впрочем, Ринальди заинтересовал Орфея не своими дурными песнями, а прежде всего хитростями, при помощи которых обирал посетителей винного бара, где они впервые встретились. На манер опытного пьяницы опорожнив кувшин вина, трубадур похвастался тем, что он не только автор плохих песен, но и одаренный убийца, готовый за соразмерную плату устранить любого врага. Любого врага... Разумеется, Орфей тут же подумал о Сажеруке. Но как убить человека, которого отпустили даже Белые Женщины и который с тех пор считается бессмертным? Не говоря уже о том, что перерезанное горло или кинжал в спине вряд ли могут искупить все унижения, пережитые Орфеем по его вине.

Сланец все еще продолжал трещать о счастье и благополучии, наполняющем переулки Омбры. Бла-бла-бла! Виоланту они там теперь называют Храброй. Ха! Каким презрительным взглядом она окинула его, когда он предложил ей вместе властвовать над Омброй. Теперь она продавала свои драгоценности, чтобы кормить бедных. Виоланта явно провела слишком много времени с благородным дураком Мортимером. Да, Мортимера Орфей тоже рад бы был увидеть мертвым, как и его жену, и дочь, не говоря уже о старике Фенолио. Однако его ненависть к ним всем была лишь тлеющим угольком по сравнению с его ненавистью к Сажеруку. Если бы Орфей только мог

облечь ее в слова, такие могучие, чтобы сожгли Сажерука в его собственном пламени! Но нет. Сажерук давно не тот трагический герой, каким Орфей когда-то полюбил его в книге. Нынче Сажерука чествовала вся Омбра. Даже его ученик-огнеглот был знаменит до самой Лотарингии.

Орфею стало так дурно, что он склонился над ведром, и его вырвало.

Проклятье! Почему он их всех не уничтожил, когда еще мог повелевать словами? *Слова Фенолио, Орфей!* – шепнуло что-то внутри него. И что? Это язык Орфея вдыхал жизнь в слова Фенолио, пока не превратился в бесполезный комок во рту... Он похитил у Виоланты три книги, наполненные словами Чернильного Шелкопряда, но все фантазии о мести, которые Орфей выписал оттуда, так и остались безжизненными, сколько бы он их ни читал.

– Он сделал себе крылья и пролетел на них больше двухсот метров, господин! – Сланец не скрывал, что впечатлен изобретательностью юноши, который ухаживает за Мегги, дочь Мортимера. *Прекрасно. Хоть бы мальчишка разбил ей сердце и она бросилась с городской стены – без крыльев.*

– Замолчи же, наконец! Я уже выслушал более чем достаточно. Очини пару перьев и упакуй чернила! – приказал Орфей стеклянному человеку. – Мы отправляемся в путь. У меня новая ученица!

– Но мне надо отдохнуть после путешествия! – заныл Сланец.

– Ах, так? – ответил Орфей, обуваясь в разношенные сапоги, которые неоднократно

бывали в починке. – Не думай, что я настолько глуп, чтобы поверить, что ты ужасно устал от дороги! Ты шлялся с Ринальди по тавернам. Иначе откуда бы тебе из раза в раз брать всю эту пропагандистскую болтовню? Хватит! Ни слова больше!

Если бы он сам мог отправиться в Омбру! Но огонь Сажерука запомнился ему слишком отчетливо, к тому же там были Белые Женщины, которым так нравилось играть ангелов хранителей Мортимера. Не говоря уже о его собственных трюках с мечом... Нет! Нельзя допустить, чтобы они узнали, где скрывается Орфей. Нельзя, пока он настолько немощен и лишен средств.

Пока Орфей шел по переулку, дождь затекал ему за воротник, и вскоре он промок до нитки. Накидку, шитую когда-то придворным портным Змееглава, теперь не смогла бы незаметно залатать даже самая ловкая стеклянная женщина. Богатство было наркотиком, который Орфей отведал лишь в этом мире, и отвыкание давалось ему тяжело. Ну ладно, хватит жаловаться! Сланец, вон, тоже не замолкает – ругается на дождь так серьезно, словно тот может что-то сделать с его стеклянной кожей! Орфей прикрикнул на Сланца, чтобы сидел тихо, – и наступил в лужу: сапог быстро наполнился раскисшим в воде козьим навозом. Нет! Трижды проклятое нет! Он вчитал в этот мир единорогов, ярких фей, листовых человечков... Он был единственным, кто смог внушить Перепелу страх!

Карета прогромыкала по мостовой и окатила всех пешеходов уличной грязью. Богатый торговец, выглянувший из окна кареты, бросил на

вымокшего Орфея скучающий взгляд. Никто, да, он опять никто. Бессловесный, лишенный власти и денег, с голосом, которым не спугнуть даже мышь, украдкой жующую его хлеб.

Орфей остановился перед дверью с серебряными наличниками, за которой ждал его новый клиент. Алессио Каволе, зажиточный торговец, жил в одном из самых роскошных домов города, поскольку он платил своим ткачам так плохо, что весь Грюнико называл их голодными.

Слуга, открывший дверь, посмотрел так высокомерно, что Орфей страстно пожелал, чтобы вместо стеклянного человечка у него на плече оказалась ворона, способная выклевать глаза этому заносчивому чистильщику сапог. Со стен вестибюля, в который Орфею пришлось пройти по нетерпеливой указке слуги, на него пялились резные рожи. Их можно было увидеть в Грюнико всюду. Якобы они отгоняли горных духов, приносящих несчастье, но у Орфея подобные изображения вызывали лишь отвратительные кошмары. Его единственной радостью за все эти годы было осознание того, что слова Фенолио в окрестностях Грюнико явно имели так же мало силы, как и его собственные. Создания, которые делали здешние леса и ущелья такими беспокойными, старик никогда не упоминал. Орфей непременно бы это запомнил. В конце концов, он знал книгу Фенолио наизусть. Мандль, Муггештутце и Нергеле, волосатые кобольды, имена которых никто не отваживался произносить, пауки-людоеды и козлы... Обо всех них в *Чернильном сердце* не было ни слова. Что опять-таки было доказательством того, что Фенолио всего лишь описал

ФУНКЕ Корнелия

ЦВЕТ МЕСТИ

Роман-фэнтези

Перевод с немецкого *Татьяна Набатникова*
Литературный редактор *София Шпитонкова*

Ответственный редактор *Е. В. Васильева*
Художественный редактор *Ю. А. Меньшикова*
Технический редактор *Т. Ю. Андреева*
Корректор *И. А. Фёдорова*
Компьютерная верстка *И. Н. Птицына*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.11.2024.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «SchoolBook». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96.

Тираж 3000 экз. D-ИФ-33656-01-R. Заказ №
Дата изготовления / Өндірілген күні 02.12.2024.

Срок службы (годности): не ограничен. / Қызмет (жарамдылық) мерзімі: шектелмеген.
Условия хранения: в сухом помещении. / Сақтау шарттары: құрғақ үй-жайда.

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака Maschaon 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – Maschaon тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)
Тауар КО ТР 007/2011 «Балалар мен жасөспірімдерге арналған
өнімдердің қауіпсіздігі туралы» талаптарына сәйкес келеді.